

Говард Филлипс Лавкрафт

ПОТОМОК

(The Descendant)

В Лондоне живет человек, который не в силах удержаться от крика всякий раз, когда слышит звон церковных колоколов. Живет он затворником, деля одиночество с полосатой кошкой, и все соседи по Грейс-инн считают его безвредным и тихим безумцем. Комната его заполнена книгами самого банального содержания, которые он без конца читает и перечитывает, надеясь забыться за этим пустым и бесполезным времяпрепровождением. Он вообще старается не думать ни о чем, ибо по какой-то причине его страшат собственные мысли, и он как чумы избегает всего, что может пробудить его воображение. С виду это старик — тощий, седой и морщинистый, — но кое-кто утверждает, что он далеко не так стар, как выглядит. Страх накрепко вцепился в него своими мерзкими когтями, и любой неожиданный звук заставляет его вздрагивать и озираться, покрываясь холодным потом. Он сторонится прежних друзей и знакомых, не желая отвечать на вопросы, неизбежные при встречах с ними. Люди, знававшие его в былые дни как ученого и эстета, очень огорчены его нынешним состоянием. Он перестал общаться с ними много лет назад, и никто толком не знал, уехал ли он из страны или же просто затаился в какой-то глухой дыре. Десять последних лет он прожил в Грейс-инн и ни словом не обмолвился о том, где он был и что делал прежде, — вплоть до той ночи, когда юный Уильямс приобрел «Некрономикон».

Уильямс, фантазер и мечтатель двадцати трех лет от роду, едва поселившись в этом старинном здании, сразу ощутил нечто особенное в худом седовласом обитателе соседней комнаты, который выглядел так, будто его коснулось дыхание чужих космических ветров. И Уильямс ухитрился наладить дружеские отношения с соседом, преуспев там, где не смогли преуспеть старые друзья последнего, в то же время не переставая гадать о причине страха, который, казалось, ни на минуту не отпускал этого высохшего, изможденного человека, постоянно бывшего настороже. В том, что он настороженно наблюдает и прислушивается, сомнений не было; правда, делал это он скорее подсознательно, чем с помощью зрения и слуха, при этом все время пытаясь отвлечься и найти забвение в глупых бульварных романах, которые он поглощал в невероятных количествах. А заслышав перезвон церковных колоколов, он терял контроль над собой и начинал пронзительно вопить, и ему вторила серая кошка, жившая в его комнате, — так они и вопили в унисон, покуда не угасало эхо последнего колокольного удара.

Но как бы Уильямс ни старался вызвать соседа на откровенность, тот уходил от серьезных тем. Хотя облик и манеры старика никак не соответствовали его нынешнему образу жизни, он избегал обсуждать свое прошлое, с вымученной улыбкой и лихорадочной поспешностью переводя разговор на ничего не значащие темы; в таких случаях голос его с каждой минутой становился все более высоким и напряженным, пока не срывался на истеричный фальцет. Порой его замечания даже по самым тривиальным поводам выдавали глубокий ум и образованность говорившего, так что Уильямс ничуть не удивился, однажды узнав, что он учился в Харроу и Оксфорде. А еще некоторое время спустя выяснилось, что его сосед — не кто иной, как лорд Нортгем, о чьем древнем родовом замке в Йоркшире рассказывали немало удивительных легенд; однако когда Уильямс завел речь об этом замке, якобы воздвигнутом еще в римскую эпоху, лорд заявил, что там нет решительно ничего необычного. Он даже разродился подобием визгливого смеха при

упоминании собеседником тайных подземелий, по слухам, вырубленных в глубине замковой скалы, мрачно нависающей над волнами Северного моря.

Так обстояли дела вплоть до той ночи, когда Уильямс принес домой печально знаменитый «Некрономикон» безумного араба Абдула Альхазреда. Он впервые услышал об этой страшной книге в шестнадцатилетнем возрасте, когда проснувшийся интерес ко всему загадочному побудил его настойчиво расспрашивать согбенного старика-книготорговца на Чандос-стрит; и он изумлялся тому, что сведущие люди неизменно бледнели, как только он заговаривал об этой книге. От старика-торговца он узнал, что лишь пять экземпляров книги сохранились после того, как на нее наложили строжайший запрет церковники и законодатели, и все уцелевшие тома были запрятаны подальше их владельцами, как правило, приходившими в ужас по прочтении лишь начальных страниц этого жуткого сочинения. И вот теперь он не только отыскал одну из уцелевших копий, но и смог приобрести ее по смехотворно низкой цене. Случилось это в еврейской лавчонке на убогих задворках Клэр-Маркета, где Уильямсу и прежде случалось покупать редкие и необычные вещи, и на сей раз ему показалось, что старый сварливый левит прячет ухмылку в спутанной бороде при виде покупателя, совершившего «великое открытие». Толстый том в кожаном переплете с медной застежкой сразу бросился в глаза среди прочих вещей, а цена его казалась неправдоподобно низкой.

Одного только взгляда на заглавие книги было достаточно, чтобы привести его в чрезвычайное возбуждение, а некоторые из рисунков, сопровождающих малопонятный латинский текст, пробудили в нем какие-то странные ассоциации. Горя желанием как можно скорее доставить увесистый фолиант домой и приступить к его расшифровке, он спешно покинул лавчонку, успев напоследок расслышать за спиной недобрый смешок старого еврея. Однако по прибытии домой он убедился, что текст, написанный на корявой средневековой латыни старинным готическим шрифтом, слишком сложен для восприятия при его скромных лингвистических познаниях, и был вынужден обратиться за помощью к своему загадочному, вечно испуганному соседу. Лорд Нортгем тихо бормотал какую-то бессмыслицу, обращаясь к своей полосатой кошке, и подскочил от неожиданности, когда молодой человек быстро вошел в его комнату. Едва увидев книгу, он затрясся, словно в припадке, а когда Уильямс произнес ее название, бедный отшельник и вовсе лишился чувств. Очнувшись через некоторое время, он торопливым шепотом поведал другу фантастическую и безумную историю, убеждая его без промедления сжечь проклятую книгу и развеять по ветру ее попел.

* * *

По словам лорда Нортгема, в этой истории что-то было неладно с самого ее начала, однако это даже не пришло бы ему в голову, не будь он столь настойчивым в своих изысканиях. Он был девятнадцатым бароном в роду, истоки которого уходили в далекое прошлое — в невероятно далекое, если принимать в расчет семейные предания о досаксонских временах, когда некий Гней Габиний Капитон, военный трибун Третьего Августова легиона, расквартированного в Линдуме на территории Римской Британии, был отстранен от командования за участие в каких-то тайных обрядах, не связанных ни с одной из известных в то время религий. По слухам, Габиний посещал одну пещеру на склоне утеса, где очень странные люди творили Древний Знак. Бритты боялись этих людей и старались держаться от них подальше; говорят, они были потомками немногих уцелевших жителей огромной земли в западном океане после того, как эта земля затонула, а на поверхности остались лишь отдельные острова с башнями, каменными кругами и святилищами, крупнейшим из которых был Стоунхендж. Согласно легенде, Габиний воздвиг неприступную крепость на скале над запретной пещерой и дал начало роду, который не смогли уничтожить ни пикты, ни саксы, ни датчане, ни норманны. Как полагают, именно из этого рода происходил отважный друг и боевой соратник Черного принца, получивший от Эдуарда Третьего титул барона

Нортгема. Сейчас трудно судить, что в той легенде было правдой, а что вымыслом, но разговоры на сей счет никогда не прекращались; что же касается Нортгемского замка, то кладка его стен на удивление схожа с римской кладкой стены Адриана. В детстве лорд Нортгем видел необыкновенные сны всякий раз, когда ему случалось ночевать в самой древней части замка, и с той поры в своих воспоминаниях часто возвращался к тем туманным сценам, образам и впечатлениям, не имевшим ничего общего с его реальной жизнью. Он превратился в мечтателя, неудовлетворенного пресной действительностью и занятого поисками таинственных миров и людей, известных ему по снам, но вряд ли существующих на нашей земле.

Рано уверовав в то, что ведомый нам мир является лишь атомом, малой частицей ужасающе беспредельного пространства, которое охватывает и сжимает этот мир, просачиваясь в него отовсюду, Нортгем уже в юные и молодые годы исчерпал все источники знаний в сферах как официальной религии, так и оккультных наук. Но он нигде не нашел желанного удовлетворения и покоя, а с возрастом пошлость и ограниченность этой жизни становились для него все более невыносимыми. В девятых годах он отдал дань увлечению сатанизмом, и во все времена с жадностью набрасывался на каждую новую доктрину или теорию, обещающую уход от постылых наук и скучных в своей неизменности законов природы. Он залпом прочитывал книги вроде химерического описания Атлантиды Игнатиусом Доннелли или сочинений доброй дюжины малоизвестных предшественников Чарльза Форта. Он мог проделать долгий путь ради того, чтобы проверить достоверность какого-нибудь странного деревенского сказания, а однажды забрался в глубь Аравийской пустыни с намерением отыскать никому неведомый Безымянный город, упомянутый в одном весьма сомнительном донесении. В глубине его души таилась мучительная вера в то, что где-то существует доступная дверь, ведущая во внешние миры, неясное представление о которых он получил по своим снам. Эта дверь могла быть реальной и находиться в видимом мире, а могла существовать только в его сознании. Возможно, его мозг, сам по себе малоизученный, таил какое-то связующее звено с его прошлыми и будущими жизнями в иных измерениях — связь со звездами, с вечностью и бескрайними пространствами, лежащими далее за звездным небом.

*Перевод: Василий Дорогокупля
2010 год*